

Для суждения по этому вопросу немаловажны стилистические особенности произведений, заведомо принадлежащих Епифанию. К числу таковых относится „Житие Стефана Пермского“.¹ Стилль этого „Жития“ очень характерен. Обычно исследователи квалифицировали стиль Епифания как „плетение словес“,² но не вдавались глубже в литературный анализ.³ Действительно, „плетение словес“ Епифания — близкий аналог „плетеного орнамента“. Слово как таковое часто теряет здесь свои выразительно-смысловые функции; элементы речи объединяются не столько логической связью, сколько на основе своей фонетической стороны, путем рифмы, ассонанса, путем гибкого видоизменения и сочетания слов одного корня.

Например, в „Житии Стефана Пермского“ читаем такие строки: в отличие от других изобретателей букв пермскую азбуку „един чернец сложил, *един* составил, *един* счинил, *един* калогер, *един* мних, *един* инок, Стефан, глаголю, приснопамятный епископ, *един* в *едино* время, а не во многа времена и лета, якоже и они, но *един* инок, *един* взъединенный и *уединенный* и *уединяся*, *един* *уединенный*, *един* *единого* бога на помощь призывая, *един* *единому* богу моляся и глаголя“.⁴ Здесь весь период „прошит“ одной нитью — корнем *един*.

Другой, более сложный пример: „Да что ты приглашу, пастуха ли нареку, понеже пасл еси христово стадо христианское словесных овец, на злаце разумнем, жезлом словес твоих, в паствине учения твоего и ныне пастве пастух сам пасом бываеши в тайном злаце“.⁵ Здесь не только ассонируют конечные слоги (приглашу — нареку), не только аллитерируют слова (приглашу, пастуха, понеже пасл и т. д.), но перекликаются, переплетаясь, слова: христово — христианское, словесных — словес, на злаце разумнем — в тайном злаце, причем сквозь все проходит словно главная нить: пастуха — пасл — в паствине — пастве — пастух — пасом. Такой период можно уподобить орнаменту с переплетением нескольких разноцветных нитей.

Наконец, пример еще более сложного ритмического орнамента, создаваемого путем распределения различного количества рифмующих и ассонирующих слов: „Да и аз многогрешный и неразумный, последуя словеси похвалений твоих, слово плету^{щи} и слово плодя^{щи}, и словом почтити мян^{щи}, и от словес похваление собирая, и приобрета^{тая}, и приплетая, паки глаголю: что ты нареку, вожа заблудившим, обретателя погбишим, наставника прелценым, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взыскателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчущим, подателя требующим, показателя несмысленным, помощника обидимых, молитвенника тепла, ходатая верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, богу служителя, мудро-

¹ Издано Археографической комиссией, приготовлено к печати В. Г. Дружининым (СПб., 1897).

² Так, по Ключевскому (стр. 111), епифаниевское перо — „утомительно-многословное и неистощимое в тавтологическом «плетении словес», умеющее для характеристики права Сергея подобрать 18 прилагательных так же легко, как 25 эпитетов для характеристики Стефана в его житии“. Ставя своей задачей исследовать жития как исторический источник, ища реальных подробностей в житиях, Ключевский естественно должен был пройти мимо художественных особенностей подобной словесной орнаментации.

³ Ряд наблюдений над стилем Епифания (по „Житию Стефана Пермского“) см. в книге Н. К. Гудзия „История древней русской литературы“ (изд. 4-е, М., 1950, стр. 230—233).

⁴ Указ. житие, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 103.